

УДК 930.23

Оришев А.Б.¹

Тарасенко В.Н.²

О ТЕНДЕНЦИЯХ В ИСТОРИОГРАФИИ НЭПА

Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева

Orishev A.B.

Tarasenko V.N.

ON THE TRENDS IN HISTORIOGRAPHY NEP

Moscow agricultural Academy a. K.A. Timiryazev

Реферат: Авторы показывают, что определяющим изучение повседневности 1920-х гг., стало внедрение новых историографических принципов и подходов. Они показывают взаимосвязь смены приоритетов в изучении НЭПа с идейно-политическими и мировоззренческими переменами в жизни страны. Наметилась тенденция к соединению в рамках одного исследования собственно историографических и источниковедческих сюжетов. Одним из перспективных направлений стала устная история. Еще одной тенденцией стал рост фактических данных и усиление стремления к теоретическим обобщениям.

Ключевые слова: Новая экономическая политика; историография; источниковедение; локальная история; повседневность.

Abstract: The authors show that defining the study of everyday life of the 1920s., Was the introduction of the new historiographical principles and approaches. They show the relationship of change of priorities in the study of the NEP with the

---

¹ Оришев Александр Борисович - доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Российского государственного аграрного университета – Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева.

² Тарасенко Виталий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Российского государственного аграрного университета – Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева.

ideological and political worldview, and changes in the country's life. There is a tendency to mix in one study and proper historiography of source subjects. One promising area was the oral history. Another trend has been the growth of the actual data and gain commitment to theoretical generalizations.

Keywords: *The New Economic Policy; historiography; Chronology; local history; daily life*

В исследованиях в области повседневности вообще и советской повседневности, в частности, накоплен определенный теоретический и методологический багаж. Утверждения о том, что «именно мир обыденной жизни создает историческое пространство» дополняются рассуждениями о влиянии «онтологической укорененности человека» в том, что он ест, как одевается и где живет, каковы стереотипы его мышления, способы действия и структура социальной реальности.

Важным фактором, определяющим изучение повседневности 1920-х гг., стало внедрение новых историографических принципов и подходов. Фактически до конца 1980-х гг. историография вопроса более напоминала пространный ком-

ментарий к свершениям коммунистической партии и правительства, чем анализ исследовательских достижений. На это отечественные историографы обратили внимание еще на рубеже 1980-1990-х гг., когда свет увидели первые работы по истории НЭПа, выходящие за рамки жесткой марксистской схемы.

В первой половине 1990-х гг. (и особенно с середины десятилетия) появился ряд трудов собственно историографического характера, в том числе, посвященных подведению итогов изучения НЭПа во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов. В частности, И.Б. Орлов связал историографический перелом конца 1980-х гг. с расширением круга исследуемых проблем и сменой идеализации НЭПа «глубоким осмыслением проблем нэповской экономики и поли-

тики во всей их противоречивости» [8, с. 7]. За этим последовал целый ряд историографических работ автора, в которых анализу подверглись различные исследовательские направления изучения новой экономической политики в 1990-е гг.

Говоря о работах 2000-х гг. нельзя не отметить все более расширяющееся внедрение в историографический анализ институциональных элементов. К примеру, в докторской диссертации А.В. Чернышовой становление историографии 1920-х гг. раскрывалось не только путем анализа основных работ этого периода и определения их ценности для развития исторической науки, но и через функционирование различных исследовательских институтов и научных обществ [9, с. 16-18]. Аналогично И.В. Белкина отдельный параграф диссертации посвятила характеристике научных центров и формированию источниковой базы исследований по проблемам НЭПа [2, с. 22].

В историографическом анализе все чаще внимание обращается на взаимосвязь смены исследователь-

ских приоритетов в изучении определенной области исторического познания с идейно-политическими и мировоззренческими переменами в жизни страны. Ведь политическая конъюнктура (в том числе, современная) стала существенным фактором формирования ведущих историографических подходов, в том числе содействовала становлению исторической политики [6, с. 22]. Для ряда хронологических отрезков, включая рубеж 1980-1990-х гг., историографическая реконструкция невозможна без учета публицистики, зачастую опережавшей монографические исследования в области новых сюжетов и оценок [7, с. 13].

Сегодня формирование новой историографической парадигмы связывается не только с систематизацией комплекса историографических источников, но и с раскрытием процесса концептуального оформления проблематики. Уровень научной разработанности, источниковой и методологической обоснованности историографических положений все чаще дополняется прогнозом наиболее

перспективных направлений изучения рассматриваемой темы.

Кроме того, современная историография обнаружила тенденцию к соединению в рамках одного исследования собственно историографических и источниковедческих сюжетов. Во многом это встречное движение стимулируется расширением источниковой базы, как количественным (за счет использования ранее засекреченных документов), так и качественным – путем вовлечения в научный оборот источников личного происхождения, советской историографией рассматриваемых, в лучшем случае, в качестве второстепенных или иллюстративных. В частности, речь идет об устной истории, которая в 1990-е гг. превратилась в одно из перспективных направлений современной исторической науки в России, существенно меняя лицо современной историографии. Характерный пример работ такого рода – докторская диссертация Е.Ф. Кринко, опирающаяся на разнообразные устные источники, включая слухи [5, с. 17-18]. А.В. Голубев обратил внимание

на реконструктивные возможности советской политической карикатуры для воссоздания формируемых в массовом сознании образов внешнего мира, [4, с. 350], а Е.Р. Ярская-Смирнова в качестве эмпирического материала использовала документальные фильмы, кинохронику, агитмассовые ленты, художественные фильмы и плакаты, обратив при этом внимание на необходимость привлечения документов, реконструирующих разные виды контекста [11, с. 367].

В рамках «новой социальной истории» авторы пересмотрели потенциал источников личного происхождения и периодической печати (особенно региональной) в процессе реконструкции жизни и быта людей. В частности, Т.А. Булыгина поставила вопрос о взаимосвязи историографии и источниковедения повседневности 1920-х гг. в рамках «новой локальной истории». Она особо подчеркнула, что до середины 1920-х гг. еще не сложилась единая система советского законодательства, в силу чего акты местных властей (как прави-

ло, подзаконные) более непосредственно отражали повседневную жизнь региона и особенности массовой психологии [3, с. 44-45]. Д.Ю. Шерих, реконструировав на основе газетных публикаций и мемуаристики «спектр городской жизни» Ленинграда на один год, отдельно выделил главы «Борьба за новый быт» и «Мелочи жизни» [10, с. 6,65-70,184-193]. В свою очередь, Г.В. Андреевский для реконструкции нэповской повседневности Москвы использовал не только материалы прессы, но и воспоминания современников тех лет [1, с. 44-45].

В рамках возрождения «рабочей истории» происходит реконструкция разных сторон историографического процесса, включая разные формы коллективного исторического творчества (например, вечера воспоминаний) и массив научно-популярной литературы. При воссоздании историографического процесса важную роль начинают играть такие факторы, как: биографии авторов и их взаимоотношения с властью; научная школа, к которой они принад-

лежали или научное окружение, формировавшее их взгляды; обстоятельства и время появления того или иного исторического труда; причины пополнения работами того или иного историка спецхранов и т.п.

Суть этих процессов состоит не только и не столько в расширении исследовательского поля (этот процесс характерен для любой отрасли научного знания), сколько в формировании нового взгляда на понимание сущности историографического процесса и трансформации понятия «историографический факт». Не случайно вторая половина 1990-х гг. ознаменовалась появлением «вторичной историографии» или «историографии второго порядка», то есть работ, подводящих предварительные итоги историографического изучения той или иной проблемы. В частности, историографическую оценку получили различные теоретико-методологические аспекты исследований.

Переоценка исторического прошлого шла как по линии переосмысления обширнейшей историо-

графии советского периода, так и исследования новых сюжетов, обращение к которым было невозможно в силу идеологических запретов. Вместе с тем уже в 1990-е гг. пришло осознание непродуктивности жесткого противопоставления советского и постсоветского этапов в развитии историографического процесса. Современные историографы обратили внимание на то, что категорическое отрицание накопленного советскими историками опыта свойственно не более чем для 5 % современных работ.

Что касается историографической ситуации в области исследования НЭПа (в том числе, его повседневности), то она характеризуется развитием двух тенденций: ростом фактических данных и усилением стремления к теоретическим обобщениям. Показательным в этом плане являются исследования, подводящие итоги изучения голодомора. Но при этом в начале 2000-х гг. отмечалось отсутствие новых специальных монографических работ по проблемам историографии НЭПа. Действи-

тельно, хотя на протяжении 2000-х гг. появился ряд статей и диссертационных исследований, освещающих те или иные направления изучения новой экономической политики (в том числе, на региональном уровне), все эти исследования не вышли на монографический уровень.

Впрочем, можно говорить о том, что помимо собственно историографических исследований, в большинстве монографий и сборниках статей (и, конечно, во всех диссертационных исследованиях) содержались соответствующие историографические обзоры. Кроме того, характер большинства научных сборников по проблематике НЭПа последних лет, акцентирующих внимание на политических и социальных проблемах 1920-х гг., обязывал их авторов уделять определенное внимание состоянию научной литературы по рассматриваемой проблеме. Историография различных аспектов НЭПа также стала предметом рассмотрения научных конференций второй половины 1990-х – начала 2000-х годов. Итогом их работы ста-

ло не только расширение проблематики изучения указанного периода, но и апробация новых методологических и историографических подходов. Но при этом, конечно, осталось множество историографических «лакун», ожидающих своих исследователей. Сегодня назрела задача устранения излишней персонификации, нередко превращающей историографические обзоры в «набор» рецензий на те или иные работы отдельных авторов [7, с. 16].

В настоящее время интенсивно формируется новая историографическая традиция изучения советской истории (в том числе, нэповского периода), что проявляется в резко вы-

росшем интересе к истории повседневности, анализу ментальности и характеру самоидентификации различных слоев общества. В этом направлении исследования отчетливо проявилась тенденция к диалогу истории с другими общественными науками, прежде всего социологией и политологией, и, тем самым, реализации полидисциплинарного подхода. Но можно сделать вывод, что в историографическом плане рассматриваемая проблематика изучена фрагментарно, что делает разработки в этом направлении актуальными и значимыми с научной точки зрения.

Список литературы

1. Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (20 - 30-е годы). М.: Молодая гвардия, 2003. 463 с.
2. Белкина И.В. Отечественная историография о промышленности Урала в годы новой экономической политики: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Оренбург, 2001. 22 с.
3. Булыгина Т.А. Опыт поиска источников по истории современности городских и сельских жителей Ставрополя // Новая локальная история: Сборник научных статей. Вып. 4. Ставрополь; Москва, 2009. С. 44-45.

4. Голубев А.В. Советская политическая карикатура 1920-1930-х гг. как часть повседневности // Повседневный мир советского человека, 1920-1940-х гг. Ростов-на-Дону, 2009. С. 350.

5. Кринко Е.Ф. Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения: Дис. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук. М., 2004. 22 с.

6. Оришев А.Б. Политология. Оришев А.Б. Политология. – М.: РИОР, Инфра-М, 2012. 288 с.

7. Оришев А.Б., Тарасенко В.Н. Повседневная жизнь советского человека в эпоху НЭПа: историографический анализ: монография. М.: РИОР, ИНФРА-М, 2016. 148 с.

8. Орлов И.Б. Поиск путей экономического развития страны и внутрипартийная дискуссия 1923-1924 годов: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1994. 22 с.

9. Чернышова А.В. Механизм государственного управления деревней в 1920-е годы: Дис. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук. М., 2005. 22 с.

10. Шерих Д.Ю. Из Петрограда – в Ленинград. М.: Центрполиграф, МиМ-Дельта, 2004. 240 с.

11. Ярская-Смирнова Е.Р. Формирование представлений об инвалидности в советском кинематографе 1920-1940-х гг. // Повседневный мир советского человека, 1920-1940-х гг. Ростов-на-Дону, 2009. С. 367.

Reference

1. Andreevskij G.V. Povsednevnaya zhizn' Moskvy' v stalinskuyu e'poxu (20 - 30-e gody'). М.: Molodaya gvardiya, 2003. 463 с.

2. Belkina I.V. Otechestvennaya istoriografiya o promy'shlennosti Urala v gody' novoj e'konomicheskoy politiki: Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. ist. nauk. Orenburg, 2001. 22 с.

3. Buly'gina T.A. Opy't poiska istochnikov po istorii sovremennosti gorodskix i sel'skix zhitelej Stavropol'ya // Novaya lokal'naya istoriya: Sbornik nauchny'x statej. Vy'p. 4. Stavropol'; Moskva, 2009. S. 44-45.

4. Golubev A.V. Sovetskaya politicheskaya karikatura 1920-1930-x gg. kak chast' povsednevnosti // Povsednevny'j mir sovetskogo cheloveka, 1920-1940-x gg. Rostov-na-Donu, 2009. S. 350.

5. Krinko E.F. Severo-Zapadny'j Kavkaz v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny': problemy' istoriografii i istochnikovedeniya: Dis. na soisk. uchen. step. dokt. ist. nauk. M., 2004. 22 s.

6. Orishev A.B. Politologiya. Orishev A.B. Politologiya. – M.: RIOR, Infra-M, 2012. 288 s.

7. Orishev A.B., Tarasenko V.N. Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo cheloveka v e'poxu NE'Pa: istoriograficheskij analiz: monografiya. M.: RIOR, INFRA-M, 2016. 148 s.

8. Orlov I.B. Poisk putej e'konomicheskogo razvitiya strany' i vnutripartijnaya diskussiya 1923-1924 godov: Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. ist. nauk. M., 1994. 22 s.

9. Cherny'shova A.V. Mexanizm gosudarstvennogo upravleniya derevnej v 1920-e gody': Dis. na soisk. uchen. step. dokt. ist. nauk. M., 2005. 22 s.

10. Sherix D.Yu. Iz Petrograda – v Leningrad. M.: Centrpoligraf, MiM-Del'ta, 2004. 240 s.

11. Yarskaya-Smirnova E.R. Formirovanie predstavlenij ob invalidnosti v sovetskom kinematografe 1920-1940-x gg. // Povsednevny'j mir sovetskogo cheloveka, 1920-1940-x gg. Rostov-na-Donu, 2009. S. 367.